Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/LCKYEY
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ДУАЛИЗМ ОБРАЗА СОЛНЦА В «ЧЕВЕНГУРЕ» КАК ОТОБРАЖЕНИЕ УЧЕНИЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

© 2025 г. С.А. Эммэ-Крейле
Гамбургский университет, Институт славистики, Гамбург, Германия
Дата поступления статьи: 14 ноября 2024 г.
Дата одобрения рецензентами: 20 декабря 2024 г.
Дата публикации: 25 марта 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-124-133

Аннотация: В статье представлен текстовый и интертекстуальный анализ солнца как важного образа романа Андрея Платонова «Чевенгур». Сравнение характеристик солнца выявляет яркий контраст между его функциями в Чевенгуре и вне города. Интертекстуальным источником этой антонимичной двойственности солнца является «Философия общего дела» Николая Федорова. В учении «общего дела» в актуальную повестку дня поставлены вопросы регуляции природы как внешней, так и внутренней — превращения этой слепой, губительной силы в разумную и живоносную. Солнце в «Чевенгуре» выступает как мероним целого — природы — и делит пространство произведения на две части. Внечевенгурское солнце становится символом разрушительных природных сил, так как оно несет с собою лишь голод и смерть. В Чевенгуре после ликвидации буржуазии солнце играет роль созидательной и питательной силы. Автор статьи делает вывод о том, что чевенгурское солнце является исполнителем разных функций и обладает разными символическими значениями, связанными с федоровским учением.

Ключевые слова: Андрей Платонов, «Чевенгур», солнце, Николай Федоров, «Философия общего дела», дуализм, регуляция природы.

Информация об авторе: Серафима Александровна Эммэ-Крейле — сотрудник Института славистики, Гамбургский университет, Von Melle Park 6, 20146 Hamburg, Германия. https://orcid.org/0009-0000-9486-0543

E-mail: serafima.kreile@studium.uni-hamburg.de

Для цитирования: *Эммэ-Крейле С.А.* Дуализм образа солнца в «Чевенгуре» как отображение учения Николая Федорова // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 1. С. 124–133. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-124-133

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 1, 2025

DUALISM OF THE IMAGE OF THE SUN IN *CHEVENGUR* AS A REFLECTION OF NIKOLAI FEDOROV'S PHILOSOPHY

© 2025. Serafima A. Emme-Kreile
Institute of Slavic Studies, University of Hamburg, Hamburg, Germany
Received: November 14, 2024
Approved after reviewing: December 20, 2024
Date of publication: March 25, 2025

Abstract: The article conducts textual and intertextual analysis of the image of the sun as a secondary but significant figure in Andrei Platonov's novel *Chevengur*. A comparison of the sun's characteristics reveals a striking contrast between its portrayal inside and outside the city of Chevengur. The source of this antithetical duality can be traced back to Nikolai Fedorov's *Philosophy of the Common Task*. His teachings define the "common task" as the regulation of nature, both external and internal, transforming this blind, destructive force into something rational and life-giving. The sun in *Chevengur* functions as a meronym of the whole "nature" and divides the space of the work into two parts. The sun outside Chevengur symbolizes destructive natural forces, as it brings only hunger and death. In Chevengur, after the liquidation of the bourgeoisie, the sun becomes a creative and nourishing force, as the inhabitants of Chevengur managed to regulate it through communal unity. The Chevengurian sun performs various functions and possesses diverse symbols, whose foundations can be found in the pages of Fedorov's teachings.

Keywords: Andrei Platonov, *Chevengur*, Nikolai Fedorov, *The Philosophy of the Common Task*, dualism, regulation of nature.

Information about the author: Serafima A. Emme-Kreile, Employee, Tutor, Institute of Slavic Studies, University of Hamburg, Von-Melle-Park, 6, 20146 Hamburg, Germany. https://orcid.org/0009-0000-9486-0543

E-mail: kreile.serafima@gmail.com

For citation: Emme-Kreile, S.A. "Dualism of the Image of the Sun in *Chevengur* as a Reflection of Nikolai Fyodorov's Philosophy." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 1, 2025, pp. 124–133. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-1-124-133 (In Russ.)

В романе «Чевенгур» нашли отражение идеи многих русских и зарубежных философов и мыслителей. Самые разные аспекты этого произведения были исследованы литературоведами и специалистами из других областей научной деятельности. В данной статье объектом анализа является один из часто упоминаемых образов произведения — солнце. Неочевидно то, что это физическое тело действительно принадлежит к второстепенному *prosaicus personae*, так как оно не человеческой природы, которая присуща другим персонажам романа, и не произносит ни одной фразы. Однако проведенный анализ этого образа однозначно убеждает в правомерности причисления его к действующим лицам романа. Центральными вопросами данной статьи являются следующие: каков образ солнца и в чем выражается его особая характеристика в произведении? На эти вопросы будет дан ответ на основе текстового и интертекстуального анализа романа «Чевенгур».

В романе важное место отведено описанию природы: трав (земли), ветра (воздуха), дождя (воды). Но в то время как эти природные элементы наделены скорее статусом «реквизита», одному компоненту экосистемы — солнцу — придано особое значение. В тексте оно так же, как и другие природные образы, описывается повествовательной инстанцией с использованием риторических фигур: эпитетов (например, «восходящее солнце» [8, с. 194]), прозопопеи («жмурящееся солнце» [8, с. 370]) и др., но синтагмы его описания имеют большую семантическую нагрузку и глубину, в совокупности наделяя солнце ролью агенса. Высказывания героев романа или их действия по отношению к солнцу подтверждают его символичный характер и важную роль в мире «Чевенгура». Солнце упоминается в произведении 143 раза — прямо или косвенно, в форме прилагательного «солнеч-

ный» и, кроме того, через слова, входящие в его семантическое поле, такие как «зной», «жара», «тепло» и т. д. Ввиду высокой семантической нагрузки подавляющего большинства фраз частота упоминания является дополнительным аргументом в пользу особого статуса солнца в произведении и дает возможность поиска истоков этого авторского замысла.

При анализе описаний солнца в двух пространствах — в Чевенгуре и вне города — выявляется отчетливый и яркий контраст между ними, который создает настолько амбивалентный образ, что возникает представление о двух автономных солнцах. Интересно заметить, что сам город Чевенгур воспринимается как отделенное от другого — внешнего — мира пространство, или как особый мир, функционирующий по своим законам под невидимым стеклянным клошом[1]. Это представление об изолированности города возникает из-за своеобразия и парадоксальности жизни чевенгурцев, а противоположность характеристик солнца и его воздействия на людей в этих двух мирах еще больше усиливает образ Чевенгура как обособленного города.

1. Солнце вне Чевенгура

Нарратор пишет о внечевенгурском солнце в особой тональности, которая создает определенный монотонный деструктивный[2] образ. Для его характеристики он использует эмоционально-оценочные слова: «*раздражающий*[3] свет солнца», «[солнечный] припек дело *не милое*», «под *напряженным* солнцем» [8, с. 92, 13, 36], которые обладают однозначно негативными коннотациями. Солнце вне Чевенгура представлено зловещим и безжалостным — это опасность, от которой нужно скрываться: «От раннего солнца он спасался» [8, с. 11], а его влияние — пагубным для земной флоры и фауны:

1 Эта перспектива допускает использование двух пространственных предлогов — в и над — при описании взаимоотношений солнца и города.

2 Можно привести цитаты-исключения, в которых нейтрально говорится о солнце (например, «утром было большое солнце» [8, с. 15], «отправились с рассветом солнца вдаль» [8, с. 133] и т. д.), но негативный образ бесспорно доминирует. Взгляд Саши Дванова, особого героя произведения, на солнце и на мир в целом, который отличается от общего восприятия («Иногда на небе обнажалось солнце, оно прилегало своим светом к траве, песку, мертвой глине и обменивалось с ними чувствами без всякого сознания. Дванову нравилась эта *безмолвная дружба солнца* и поощрение светом земли» [8, с. 78]), а также его сон (об отце и горбатом, который «мочился на маленькое солнце, гаснущее уже само по себе» [8, с. 38]) остаются за рамками приведенного анализа.

3 Здесь и далее курсив наш. — *С.Э.-К.*

«...прочно успокоившееся пространство смертельной жары» [8, с. 36]. От его лучей «земля взмокает потом мучительной работы», а «от зноя не только растения, но даже хаты и колья в плетнях быстро приходили в старость» [8, с. 171, 37]. Этот зной вездесущий — нет ни одного пространства, где человек может от него спрятаться: «Избы почти пели от страшной, накаленной солнцем тишины» [8, с. 38]. Солнце иссушает землю и не дает пропитания людям: оно заставляет «почву гореть и дымить пылью» [8, с. 36]. Оно вызывает голод — константу во внечевенгурском мире, несущую смерть жителям и их потомству, как это показано в эпизодах с Игнатьевной или дорожной нищенкой. Это солнце губительно для человека не только физически, но и духовно: «...поднималось солнце и в скорое время превращало всю землю и деревню в *старость*, в запекающуюся сухую *злобу* людей» [8, с. 37] — оно изнуряет и старит тело, озлобляет дух. Лишь один персонаж радуется этому природному злу, так как он сам злой натуры, — Петр Федорович Кондаев. Он «видел в засухе удовольствие» и «радовался голоду» [8, с. 36], который длился уже второй год. Как и солнечные лучи, губящие все живое под собой, Кондаев истребляет травы своими «длинными губительными руками». Каждому встречному мужику в деревне он говорит, что «солнце стоит и будет стоять в упор — какой же тебе урожай!» [8, с. 37]. Тот факт, что именно этот ущербный (как физически, так и духовно), зловредный и ненавидящий других персонаж — единственный, кто благодарен и рад солнцу и вызываемым им бедствиям и горю, подтверждает гибельную сущность солнца вне Чевенгура.

2. Солнце в Чевенгуре

Образ этого солнца совершенно иной: в то время как вне города солнце всеми силами работает *против* человека, здесь солнце — *для* него. Оно проявляет себя как настоящий товарищ, пекущийся о благе жителей города, и как символ победы коммунизма в Чевенгуре («Социализм похож на солнце и восходит летом» [8, с. 122]). О нем в позитивной тональности говорят разные герои: Прокофий Дванов («...силы солнца определенно хватит на всех...» [8, с. 208]), Копенкин в письме к Саше Дванову («Работает тут одно летнее солнце...» [8, с. 210]), Яков Титыч («...только здесь... солнце *горит без упора* и человек живет безжалостно...» [8, с. 313]), Чепурный («Ведь завтра *хорошо будет*, если солнце взойдет...» [8, с. 254]). Чевенгурцы дружелюбно

и уважительно относятся к солнцу: «Копенкин *с почтением* посмотрел на солнце», Пиюся «посмотрел и на солнце — глазами *гордости*... как на отнятое *добро*... и сказал вверх *с робостью уважения*» [8, с. 256–257]. У чевенгурского солнца отчетливая роль кормильца: «...само солнце отпускает людям на жизнь вполне достаточные нормальные пайки...»; «...из солнечной середины неба сочилось питание всем людям...» [8, с. 214, 199].

Определенная двойственность присуща и этому солнцу — его статусу в системе: с одной стороны, оно представлено товарищем, большим братом чевенгурцев, с другой стороны, оно ими же и эксплуатируется, им подчиняется, что является оксюмороном для общества братственного, коммунистического строя. Чевенгурцы не раз открыто заявляют свои эксклюзивные права на него: «Значит, солнце будет *нашим*!»; «...посмотрел и на солнце — глазами гордости и сочувствующей *собственности*»; «...жалостными глазами поглядел на солнце, как на *отнятое добро*... Погоди, не траться напрасно *на чужих*!» [8, с. 255–257]. Чевенгурцы обвиняют кадры буржуазии — «не природной силы» — в жадности, лености и угнетении («...спешили одни буржуи, им *жрать* и угнетать надо было. А мы *кушаем* да дружим...» [8, с. 207]), сами же объявили труд «пережитком жадности и эксплуатационно-животным сладострастием» [8, с. 241], и теперь «в Чевенгуре человек не трудится и не бегает, а все налоги и повинности несет солнце» [8, с. 207]. Природа не является помощником в труде чевенгурцев, она выполняет всю работу в городе: «...за всех и для каждого работало единственное солнце, объявленное в Чевенгуре всемирным пролетарием»; «единственный труженик в Чевенгуре» [8, с. 213–214, 324]. Это создает парадокс и иронию. Но, поскольку солнце не страдает от сложившегося порядка, отношения между ним и чевенгурцами можно описать как особый вид совместного существования (комменсализм). Эти отношения в то же время эмоционально равные: солнце печется обо всех и о каждом — «солнце *с индивидуальной внимательностью*[4] осветило худую спину Чепурного», а «при коммунизме люди *любят* солнце и природу» [8, с. 219, 352].

Важно отметить, что этому солнцу эксплицитно противопоставляется другое небесное светило — луна: «...они [прочие] показались Чепурному *немощными* и *не*пролетарскими элементами, словно они всю жизнь грелись

4 Эта персонификация придает солнцу черты действующего лица.

и освещались не солнцем, а луной»; «...вместо солнца — светила коммунизма, тепла и *товарищества* на небе постепенно засияла луна — светило *одиноких*, светило бродяг, бредущих зря» [8, с. 285, 324]. Единственная звезда Солнечной системы противопоставлена единственному спутнику Земли. Это противопоставление выразительно — оно выступает подтверждением того, что именно солнце и только оно может быть и является товарищем и союзником чевенгурцев, сплоченных между собой.

В чем же причина дуализма образа солнца и такого отчетливого акцента на нем в романе? Ответом на этот вопрос может стать «Философия общего дела» Николая Федорова.

3. Солнце «Чевенгура» как воплощенная идея Федорова

Влияние идей Н.Ф. Федорова на творчество Платонова прослеживается в исследованиях с 1970-х гг., и эта тема сохраняет свою актуальность (см., например: [1; 2; 3; 4]).

В «Философии общего дела» Федоров формулирует главную задачу «сынов человеческих» и пути ее исполнения, поэтому его учение выступает как «практическая философия, руководство к правильному (нравственному) действию... своего рода этика (супраморализм)» [2, с. 61]. В начале первого тома он задает вопрос: «Почему природа нам не мать, а мачеха или кормилица, отказывающаяся кормить?» [6, с. 2]. Федоров пишет о существовании некой «слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть» [6, с. 2], и об общем труде по обращению ее в живоносную. Этой слепой силой является природа в своей первозданной — необузданной — форме. Во втором томе Федоров прямо называет людским недругом природу в ее неурегулированной форме: «Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? Этот враг — природа» [7, с. 247]. Отражение этой идеи отчетливо видно в пространстве вне Чевенгура, где солнце как часть федоровского целого — «природы» — является деструктивной доминирующей силой, источником человеческих страданий. «У Платонова сложно, часто трагически-напряженно противостоят друг другу человек и природа» [5, с. 31] — эти взаимоотношения прослеживаются во внечевенгурском мире, где солнце и люди находятся в противостоянии, люди — в неустанной борьбе за выживание.

Федоров утверждает, что природа «нам враг временный, а друг вечный» [7, с. 247], но как возможен этот кардинальный переход? Стать другом рода человеческого она может только в случае своего подчинения ему, а точнее, человечество должно *сообща* приложить все силы, в том числе привлечь науку, для органического прогресса, чтобы в корне изменить существующие природные законы на Земле (смерть — на воскрешение). «*Единство* может быть найдено только в небе, в солнечной силе, действующей в метеорических процессах, в регуляции этою силою» [6, с. 52–53]. Согласно чевенгурцам, их «первоначальный» город олицетворяет собой идеал коммунистической общины. Товарищи, соединенные между собой (одной целью), смогли изменить исконную расстановку сил и урегулировать окружающую природу, которая начала автономно работать для них. Слова Чепурного служат доказательством утопического «сотрудничества» чевенгурцев с метеорическими явлениями природы: «...здесь действует коммунизм и вся природа заодно», «...ветер наравне с солнцем начал работать на Чевенгур...», «...мы мобилизовали солнце на вечную работу, а общество распустили навсегда!» [8, с. 305, 341, 205]. В новой социальной системе города люди живут единомышленно, по-товарищески, родственно друг другу, т. е. они восстановили то родство (единство), о котором писал Федоров. «Своеобразие платоновского космизма в 20-е годы состояло в том, что человеку отводилось место преобразователя вселенной» [4, с. 216]. Чевенгурский коммунизм является этим коренным преобразованием, которому еще в самом начале устроения — при передвижении домов — благоволило солнце: «...под тихим солнцем пахотных равнин» [8, с. 198]. Оно выступает как благословение и благосклонность к политической системе города: «...поскольку солнце взошло в первый же день коммунизма и вся природа поэтому на стороне Чевенгура» [8, с. 299]. Оно работает на благо чевенгурцев (коммунизма), оно само — благо и является той самой созидательной, «живоносной» силой, о которой писал Федоров, — «...свет солнцестояния, от которого земля накапливала растения для *пищи* и *рождала людей* для товарищества» [8, с. 235].

Чевенгурский коммунизм начался с кровопролития — с ликвидации буржуазии. Для этого чевенгурские коммунисты организовывают «второе пришествие» и приказом созывают буржуев на площадь. Как издевательство звучат слова Прокофия о том, что советская власть предоставляет буржуазии «все бесконечное небо, оборудованное звездами и светилами на предмет ор-

ганизации там вечного блаженства» [8, с. 227]. Символично, что основанием приказа стал бюллетень метеорологического губбюро. После расстрела буржуев чекисты вырыли общую могилу и «свалили в яму всех мертвецов с их узелками» [8, с. 231]. Их, а также их вещи захоронили, а не кремировали, что было характерно и идеологически важно для большевизма 1920-х гг.[5] Это может быть очередной отсылкой к учению Федорова; сравним: «Будем жечь умерших, жечь все принадлежавшее им, все, к чему они прикасались, — тогда будем иметь голод, нужды!» [6, с. 132]. После акта погребения и изгнания «полубуржуев» настал другой Чевенгур, свободный от «междоусобной суеты людей, которая означает смертную необходимость есть» [8, с. 244].

Одиннадцать чевенгурцев совершили полную трансформацию природного порядка и создали «солнечную систему жизни». В своем учении Федоров пишет: «Когда же род человеческий станет союзом всех сынов, служащих всем отцам, как одному отцу, тогда *очагом* этой семьи будет само солнце» [6, с. 133] — в Чевенгуре живет неразлучно «одна сиротская семья» и «из солнечной *середины* неба» им дается пища. Традиционно питательницей и хранительницей очага считается мать. Урегулированную внешнюю природу Федоров соотносит с образом матери и кормилицы. Этот образ скреплен с христианством (Богородица), потому что само федоровское учение неразрывно связано с ним — это «особо радикальный вариант... идей христианского активизма, богочеловечества»[6] [2, с. 7]. У Платонова также возникает материнский образ в связи с солнцем: теплота чевенгурского солнца ассоциируется «с детством и кожей *матери*», и из него сочится питание, «как кровь из *материнской* пуповины» [8, с. 199].

В «Философии общего дела» Федоров предлагает программу преобразования вселенной через восстановление родства и регуляцию метеорологических процессов, что уже является «первым началом небесного дела, созидания рая» [6, с. 420]. Солнце в Чевенгуре как символ организованной природы и как центральная и живоносная сила соответствует надлежаще-

5 В 1927 г., т. е. в период написания романа, был открыт первый в СССР крематорий — Донской, на территории Нового Донского кладбища, примыкающего к Донскому монастырю.

6 См. продолжение цитаты: «...в деле избавления мира от законов “падшего” материального естества и ввода его в эволюционно высший, бессмертный, *соборно*-любимый тип бытия» [2, с. 7]— символично, что в романе расстрел старых чевенгурцев происходит на *соборной* площади.

му состоянию мира по Федорову, но вся чевенгурская система как целое представляет собой его искажение: она не может участвовать во всемирном братстве и любви и символизировать новый, преобразованный мир и онтологическое восхождение человека, так как ее история началась с разделения, вражды и насилия.

Список литературы

Исследования

1 *Васильев В.В.* Андрей Платонов: очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1990. 287 с.

2 *Семенова С.Г.* Николай Федоров: творчество жизни. М.: Сов. писатель, 1990. 384 с.

3 *Шубин Л.А.* Поиски смысла отдельного и общего существования: об Андрее Платонове: работы разных лет. М.: Сов. писатель, 1987. 365 с.

4 *Hagemeister M.* Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München: Otto Sagner, 1989. 550 с.

Источники

5 *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой, С.Г. Семеновой. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. Т. 1. 517 с.

6 *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изд. под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. М.: Верный: Тип. Семиречен. обл. правл., 1906. Т. I. 731 с.

7 *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изд. под ред. В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. Т. II. 473 с.

8 *Платонов А.П.* Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. М.: Время, 2011. 608 с.

References

1 Vasil'ev, V.V. *Andrei Platonov: ocherk zhizni i tvorchestva* [*Andrei Platonov: A Sketch of His Life and Work*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. 287 p. (In Russ.)

2 Semenova, S.G. *Nikolai Fedorov: tvorchestvo zhizni* [*Nikolai Fedorov: The Creativity of Life*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 384 p. (In Russ.)

3 Shubin, L.A. *Poiski smysla otdel'nogo i obshchego sushchestvovaniia: ob Andree Platonove: raboty raznykh let* [*The Search for the Meaning of Individual and Collective Existence in Andrei Platonov's Work: Papers from Different Years*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 365 p. (In Russ.)

4 Hagemeister, Michael. *Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung.* München, Otto Sagner, 1989. 550 S. (In German)